

УДК 811.161.1'27+811.112.2'27
ББК 81.2Рус-5+81.2Нем-5
DOI 10.18500/2311-0740-2016-1-13-65-77

Е. Г. Которова
Зелёна-Гура, Польша

E. G. Kotorova
Zielona Góra, Poland

**МОДЕЛЬ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ «ПРОСЬБА»
В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ:
СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

**THE SPEECH BEHAVIOR PATTERN
OF «REQUEST» IN RUSSIAN AND GERMAN:
A CONTRASTIVE STUDY**

Аннотация. В статье представлен анализ модели речевого поведения ПРОСЬБА в русском и немецком языках. В первой части статьи иллокуция ПРОСЬБЫ определяется в терминах Естественного Семантического Метаязыка. Контрастивное исследование проводится с трёх точек зрения. Во-первых, с точки зрения структуры, выделяются основные языковые модели реализации ПРОСЬБЫ. Во-вторых, с точки зрения прагматики, рассматривается, различаются ли ситуации, в которых русские и немцы выражают ПРОСЬБУ, и если да – то как. Показано, что для сопоставления русского и немецкого языков важным являются различия между симметричной и асимметричной, а также значительной и незначительной ПРОСЬБОЙ. В третьих, на основе методики коммуникативно-прагматического поля описываются возможности выражения ПРОСЬБЫ в русском и немецком языках. Выявляются особенности организации поля в этих языках. Исследование базировано на существующих корпусах немецкого и русского языков.

Ключевые слова: речевое поведение, просьба, межкультурная коммуникация, контрастивная лингвистика, русский, немецкий.

Abstract. The paper presents the analysis of the speech behavior pattern of REQUEST in Russian and German. In the first part of paper the illocution of REQUEST is defined in terms of Natural Semantic Metalanguage. The contrastive research is carried out from three different angles. Firstly, from the structural viewpoint, main language patterns of the realization of REQUEST are described. Secondly, from the pragmatic viewpoint, it is considered whether and how the situations in which Germans and Russians express REQUEST are different. It is shown that the difference between symmetric and asymmetric REQUEST, as well as between big and small REQUEST proves to be very important for the Russian-German comparison. And thirdly, the possibilities of expressing REQUEST in Russian and German are described using the method of communicative-pragmatic field. The peculiarities of field organization in these languages are revealed. The study is based on the existing corpora of the German and the Russian.

Key words: speech behavior, request, intercultural communication, contrastive linguistics, Russian, German.

Сведения об авторе: Которова Елизавета Георгиевна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой лексикологии и прагмалингвистики. Место работы: Зеленогурский университет (Польша), Институт германской филологии. **E-mail:** e.kotorova@gmail.com

About the author: Kotorova Elizaveta Georgievna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Lexicology and Pragmalinguistics. Place of employment: University of Zielona Góra (Poland), Institute for German Studies.

Введение

Предлагаемая вниманию читателя статья является составной частью исследования коммуникативного поведения носителей русской и немецкой культур. Целью данного комплексного исследования является выявление сходств и различий в функционировании высказываний, выражающих прагматическую интенцию основных моделей речевого поведения (таких как СОГЛАСИЕ, ОТКАЗ, БЛАГОДАРНОСТЬ, СОВЕТ, ИЗВИНЕНИЕ и др.), а также определение прототипических и периферийных средств, реализующих данные модели в названных двух языках. Инновативная методология исследования базируется на синтезе идей о прототипической

структуре категорий и возможности представления разного рода лингвистических феноменов в форме поля. Цель коммуникативного акта или его иллокуция рассматриваются как доминанта, которая обеспечивает возможность объединения всех речевых актов с данной иллокуцией в определённом языке в поле. Такое поле носит название коммуникативно-прагматического поля. Набор речевых высказываний, образующих каждое из полей, определяется социо-прагматическими, культурными и лингвистическими факторами, специфическими для каждого из сопоставляемых языков (см. [1 ; 2]). Данная статья содержит анализ модели речевого поведения ПРОСЬБА в русском

и немецком языках, использующий методика сопоставления коммуникативно-прагматических полей.

1. Определение модели речевого поведения ПРОСЬБА

Речевой акт ПРОСЬБЫ является побудительным речевым актом, направленным на то, чтобы склонить Адресата к совершению определённого действия, лежащего в интересах Говорящего. При этом исполнитель предполагаемого действия может свободно выбирать, будет ли он его выполнять или нет (ср. [3 : 212 ; 4 : 45–46]). Просьба может также заключаться в побуждении Адресата к отказу от какого-либо запланированного действия.

По признаку «свободы выбора» ПРОСЬБА, в отличие, например, от ПРИКАЗА, относится к группе не облигаторных (не категоричных) побудительных речевых актов, а именно, к группе РЕКВЕСТИВОВ, для которых характерна бенефактивность действия для Говорящего. Кроме просьбы, к этой группе относятся также МОЛЬБА, ЗАКЛИНАНИЕ, УПРАШИВАНИЕ [ср. 5 : 131]. По мнению других исследователей, однако, нет необходимости проводить различие между названными реквестивными речевыми актами, они все могут быть рассмотрены как разновидности речевого акта ПРОСЬБЫ [ср. 6 : 180–181 ; 7 : 27].

Иллокутивная цель речевого акта ПРОСЬБЫ (REQUEST) была сформулирована в ранних работах А. Вежбицкой [8 : 129 ; 9 : 129] в терминах Естественного Семантического Метаязыка в самом общем виде так:

(a) I assume that you can do it or not do it (Я полагаю, что ты можешь сделать или можешь не делать этого)

(b) I want to cause you to do it (Я хочу побудить тебя сделать это)

(c) I say: want you to do X (Я говорю: хочу, чтобы ты сделал X)

По нашему мнению, было бы важно в определении этой модели речевого поведения (далее МРП) учесть также два «подготовительных правила», сформулированных Дж. Сёрлем в отношении побудительных актов: 1) H is able to do A. S believes H is able to do A (С(лушающий) в состоянии совершить A(кт). Г(оворящий) полагает, что С(лушающий) в состоянии совершить A(кт)). 2) It is not obvious to both S and H that H will do A in the normal course of events of his own accord (Ни для Г(оворящего), ни для С(лушающего) не очевидно, что С(лушающий) при нормальном ходе событий со-

вершил бы A(кт) по собственной инициативе) [10 : 66–67].

В соответствии с этим определение Вежбицкой следует расширить следующими двумя пунктами:

(d) I assume that you are able to do it (Я полагаю, что ты в состоянии совершить это)

(e) I know that X cannot happen if someone doesn't do something to cause it to happen (Я знаю, что X не может произойти, если кто-либо не сделает что-либо для того, чтобы это произошло).

Действительно, как правило, не просят о том, чего явно сделать нельзя, например, достать звезду с неба. Равным образом, нет смысла просить о том, что совершается само по себе, например, передвигать ноги при ходьбе.

Следует отметить, что Вежбицкая в своём семантическом словаре английских речевых глаголов [11] даёт разные семантические дефиниции отдельным английским глаголам (*ask, request, beg* etc.), объединяемых ею в группу ASK₁. В русском языке всем этим глаголам в большинстве случаев соответствует глагол *просить*. Поэтому для русского иллокутивного глагола, являющегося центром МРП ПРОСЬБЫ, следует сформулировать единую обобщённую дефиницию.

Важно также учесть замечание М. Я. Гловинской, которая предлагает формулировать пресуппозицию данной речевой модели не как «X хочет, чтобы Y сделал P», а как «X хочет, чтобы было P» [6 : 181]. Это позволяет охватить случаи, когда желаемое действие выполняется третьим лицом, например:

(1) *По щучьему веленью, по моему хотенью – ступайте, ведра, сами домой!*

(2) *Ich bitte dich, das Kind dazu zu bringen, gesund zu essen.*

Обобщая всё выше сказанное, мы предлагаем определить иллокуцию МРП ПРОСЬБЫ следующим образом:

(a) Я исхожу из того, что ты можешь сделать или можешь не делать этого.

(b) Я хочу побудить тебя сделать это.

(c) Я полагаю, что ты в состоянии сделать это.

(d) Я знаю, что X не может произойти, если кто-либо не сделает что-либо для того, чтобы это произошло.

(e) Я говорю: хочу, чтобы произошло это.

Наряду с просьбой сделать что-либо (позитивная просьба), существует также и просьба не предпринимать чего-либо (негативная просьба). Определение негативной просьбы содержит наряду с отрицанием со-

ответствующих глаголов (Я хочу побудить тебя не делать этого; Я говорю: не хочу, чтобы произошло X) также один дополнительный компонент:

(f) Я полагаю (вижу), что ты это сделаешь (делаешь) (ср. [7 : 23]). Действительно, нет смысла просить не делать того, чего собеседник и не собирается делать, напр.: *Не бросай меня в терновый куст!* Иначе такая просьба может подействовать как подстрекательство.

Таким образом, иллюстрацию негативной просьбы можно сформулировать следующим образом:

(a) Я полагаю (вижу), что ты это сделаешь (делаешь).

(b) Я полагаю, что ты можешь сделать или можешь не делать этого.

(c) Я хочу побудить тебя не делать этого.

(d) Я полагаю, что ты в состоянии не делать этого.

(e) Я говорю: не хочу, чтобы произошло это.

ПРОСЬБА не является гомогенной моделью речевого поведения, в составе данной модели можно выделить определённые подтипы. Для анализа форм реализации МРП ПРОСЬБЫ важны два различия – между симметричной и асимметричной просьбой с одной стороны и между значительной и незначительной просьбой с другой.

Просьба считается асимметричной в том случае, если Адресат в сходной ситуации может обратиться с аналогичной просьбой к Говорящему. В таком случае возможность просьбы является взаимной. При асимметричной просьбе такая возможность исключена (ср. [12 : 83 ; 13 : 498]). Примером может послужить просьба одолжить ручку или карандаш (симметричная) и просьба об отпуске (асимметричная).

Значимость просьбы зависит, в основном, от двух факторов: от личных отношений между Говорящим и Слушающим и от весомости (важности) действия, о котором просит Говорящий. Чем весомее желаемое действие и чем больше дистанция между собеседниками, тем выше значимость просьбы (ср. [14 : 65]). Под незначительной просьбой понимается такая, выполнение которой не связано с риском, либо же с серьёзными временными затратами и усилиями. Значительная просьба предполагает всё выше названное в большей или меньшей степени. С точки зрения просителя, значимость просьбы обусловлена также важностью ожидаемого результата. Так,

например, просьба к вышестоящему подписать заявление о внеочередном отпуске (крайне важном для просителя) является для значительной для Говорящего, хотя и не требует особых усилий со стороны Адресата. Категория значимости просьбы не является бинарной, она представляет собой непрерывную переменную, подверженную влиянию ряда различных факторов.

2. Структура модели речевого поведения ПРОСЬБА

ПРОСЬБА реализуется в обоих языках чаще всего в следующих трёх моделях:

(a) модели с императивными конструкциями: *Принеси, пожалуйста, сегодняшнюю газету; Bitte kauf mal Brot auf dem Heimweg;*

(b) эксплицитно перформативные модели с модализацией и без: *Прошу Вас больше не опаздывать; Ich möchte dich bitten, die Übersetzung bis morgen zu machen;*

(c) имплицитно перформативные модели, преимущественно в форме вопросительных предложений: *Вы не покажете мне город? Könntest du mir ein Foto von dir schicken?*

Степень прототипичности каждой из моделей отличается в сопоставляемых языках, как будет показано в пункте 4 данной статьи.

2.1. Модели с императивными конструкциями

Выражения с глаголом в императиве употребляются в немецком языке преимущественно для реализации незначительной просьбы (ср. [15 : 72]), в то время как в русском языке эта форма может применяться в личном общении как при незначительной, так и при значительной просьбе. Императив обозначает действие, выполнение которого желательно для Говорящего:

(3) *Наташа, мне нужна твоя помощь. Присмотри, пожалуйста, завтра за моими детьми, пока я на работе.*

(4) *Bitte machen Sie mal die Tür auf!*

Особенностью немецкого языка является возможность употребления инфинитива вместо императивной конструкции, обычно в сочетании с разговорной частицей *bitte*. Такого рода конструкции в немецком языке весьма употребительны:

(5) *Alle Fahrgäste, bitte aussteigen!* = ‚Alle Fahrgäste, steigen Sie bitte aus!‘

(6) *Und bitte nicht böse sein, wenn ich einen Fehler gemacht habe!* = ‚Und bitte seien Sie mir nicht böse, wenn ich einen Fehler gemacht habe!‘

Русские соответствия могут содержать инфинитивы только в сочетании с существительным *просьба*:

(5а) *Просьба к пассажирам освободить вагоны!*

Или же в корреспондирующих высказываниях употребляются императивные формы:

(6а) *И пожалуйста, не сердитесь на меня, если я сделаю ошибку.*

При выражении негативной просьбы в русском языке глагол обязательно употребляется с отрицанием, при этом часто встречается двойное отрицание. В немецком языке глагол отрицается только в том случае, если он стоит в фокусе высказывания, в противном случае негативное значение имеют другие члены предложения:

(7) *Не говори никому о том, где я был вчера.*

(7а) *Sage niemandem, wo ich gestern gewesen bin.*

(8) *Rauche bitte nicht, mich stört das.*

Следует обратить внимание на то, что негативная просьба в русском языке выражается, как правило, с помощью глагола несовершенного вида. Если в позитивной просьбе был употреблен перфективный глагол, то при её отрицании вид глагола должен быть изменён (ср. [7 : 24–26]):

(9) *Положи, пожалуйста, книгу на полку, мне она больше не нужна.*

(9а) *Не клади, пожалуйста, книгу на полку, она мне ещё нужна.*

При этом просьба без отрицания за определённым видом не закреплена: *люби / полюби – не люби, пиши / напиши – не пиши*. Употребление глагола совершенного вида в отрицательной форме характерно не для просьбы, а для предупреждения: *Не напиши ей каких-нибудь глупостей!*

2.2. Эксплицитно перформативные модели с модализацией и без

Прототипически в перформативной формуле МРП ПРОСЬБА употребляются иллокутивные глаголы *просить* и, соответственно, *bitten*. В случае необходимости усиления иллокуции могут быть использованы также глаголы *умолять*, а также *заклинать* в русском и *flehen / anflehen*, и, соответственно, *beschwören* в немецком. Именной вариант перформативной формулы образуется исключительно с существительным *просьба* и *Bitte*.

Полная структура перформативной формулы включает четыре компонента (ср. [16 : 48]):

(а) соответствующий перформативный глагол (компонента действия);

(b) обозначение Говорящего (компонента Говорящего);

(с) обозначение Адресата (компонента Адресата);

(d) характеристика содержания просьбы (компонента пожелания).

Компонента действия маркирует МРП с помощью перформативного глагола. Немецкому глаголу *bitten* соответствует в данном случае русский глагол в обеих залоговых формах *просить / попросить*:

(10) *Wir bitten Sie, den Fehler zu entschuldigen.*

(11) *Я прошу тебя только об одном – умерить гнев свой и не говорить ни слова.*

В немецком языке перформативный глагол может быть модифицирован с помощью префикса *-er*, что оказывает влияние на семантику и стилистику глагола: *erbitten* относится к высокому стилю и означает, вежливо просить о чём-либо, настойчиво требовать:

(12) *Ich erbitte nun Ihre Aufmerksamkeit für die letzte Rednerin in dieser Debatte.*

Компонента Говорящего, как правило, выражается с помощью местоимения первого лица единственного или множественного числа, употребление которого является для немецкого языка обязательным, а для русского факультативным:

(13) *Перестань же плакать, прошу тебя.*

При вариациях грамматической формы компоненты Говорящего, а именно, употреблении 3л. ед. или мн. числа: *Администрация просит всех сотрудников сохранять спокойствие*, либо же употреблении безличных форм: *Просьба к пассажирам пристегнуть ремни*, высказывание может считаться речевым актом и, соответственно, реализацией МРП ПРОСЬБЫ только в условиях соответствующей коммуникативной ситуации. При этом семантически субъект, как и в предыдущих случаях, соотносится с первым лицом – Говорящим, который обращается к слушателям от группы лиц, либо же говорит о себе в третьем лице.

Компонента Адресата употребляется в русском языке при глаголе *просить / попросить* в винительном падеже:

(14) *Мы просим вас ответить на вопросы нашей анкеты.*

(15) *Я попрошу Вас расстегнуть манжеты.*

В немецком языке при глаголах *bitten, flehen / anflehen* и *beschwören* компонента Адресата также стоит в винительном паде-

же, при глаголе *erbitten* она вводится с помощью предлога *von*:

(16) *Ich bitte, ich beschwöre dich, Geliebter, kehre zurück und erwarte den Major.*

(17) *Ich flehe dich um drei Tage Zeit* (Friedrich Schiller).

(18) *Ich flehe dich an, Bodo, höre diesmal nicht auf deine Frau Bianca.*

(19) *Ich erbitte von Ihnen eine klare Auskunft, warum Sie meine Fragen in der Vergangenheit nicht beantwortet haben.*

Компонента пожелания может выражаться с помощью существительного, инфинитива / инфинитивной группы или же придаточного предложения. Именная компонента как в русском, так и в немецком языке реализуется в форме предложного объекта с предлогом *о+ предложный падеж* в русском и *ит+винительный падеж* в немецком:

(20) *Прошу о продолжении знакомства, а я уж никогда не забуду самых приятнейших дней, проведённых с вами.*

(21) *Ich bitte um Respekt für die Privatsphäre meiner Frau und meiner Kinder.*

В русском языке существительное может также употребляться в родительном падеже без предлога:

(22) *Прошу вашего разрешения вернуться в полк.*

Употребление инфинитивных конструкций и придаточных предложений в функции компоненты пожелания конкурирует в обоих языках с употреблением предложного, либо же беспредложного объекта: *Я прошу внимания / Я прошу быть внимательными / Я прошу о том, чтобы Вы были внимательными / Ich bitte um Aufmerksamkeit / Ich bitte, aufmerksam zu sein / Ich bitte, dass Sie aufmerksam sind*, ср. также:

(23) *Мы просим вас принять участие в нашем опросе, который посвящен изучению образа жизни современного человека.*

(24) *Ich bitte Sie, das Gelände zu verlassen. Es ist erst ab acht Uhr freigegeben.*

Как в русском, так и в немецком языках, компонента Адресата может опускаться:

(25) *Тогда я прошу разрешения задать и другой вопрос.*

(26) *Wir bitten um Hilfe und Unterstützung.*

Компонента пожелания находится в фокусе перформативного высказывания, поскольку она отражает содержание просьбы, поэтому её употребление обязательно.

2.3. Имплицировано перформативные модели в форме вопросительных предложений

Имплицированная модель реализуется в обоих языках чаще всего в форме вопроситель-

ных предложений. Такие вопросы содержат, как правило, модальные глаголы *мочь – können* в изъявительном или сослагательном наклонении:

(27) *Вы могли бы перед собранием повторить все то, что рассказали нам?*

(28) *Können Sie bitte nach der Patientin am Fenster schauen, sie hat Beschwerden am Arm?*

В русском языке в данном случае употребляются преимущественно вопросительные предложения с отрицанием. В немецком отрицание модального глагола возможно, но не типично:

(29) *Ты не мог бы приехать ко мне?*

(30) *Könnten sie nicht einfach sofort zur Sache kommen?*

Просьба может быть выражена также вопросительным предложением без модального глагола, в русском также и в негативной форме:

(31) *Извини, — говорю Клаве, — ты не согласишься мне двадцать пять рублей?*

(32) *Ob du mir was über das Penny Lane erzählst?*

3. Ситуативно-прагматические факторы

МРП просьба является прототипическим побудительным актом и, таким образом, одним из наиболее часто употребляющихся актов «угрожающих общественному лицу» (face threatening acts). Согласно теории Браун и Левинсона [17], такие речевые акты могут ограничивать или ущемлять такие потребности общественного лица собеседника, как право свободы выбора, независимость, право быть непо потревоженным. Для того чтобы избежать этого, Говорящий применяет определённые стратегии с целью смягчить возможную угрозу.

Ситуации, в которых вследствие акта просьбы возникает подобная угроза лицу собеседника, а также степень этой угрозы, являются культурно обусловленными и различаются в русском и немецком коммуникативном сообществе. В русской коммуникации акт просьбы можно наблюдать нередко в таких ситуациях, в которых в немецкой культуре просить не принято, поскольку немцы предпочитают самостоятельно решать возникшие проблемы, если это возможно. Например, для русских является обычным делом одолжить у соседей какую-либо мелочь, которая срочно понадобилась, особенно при приготовлении пищи (соль, яйца, лук и т.п.) вместо того, чтобы идти в магазин.

Подобные ситуации нередко упоминаются в русской беллетристике: *Медсестра пришла к маме, соседка зашла за картошкой* (Ольга Сульчинская); *Кто там пришел?* – донесся из комнаты голос Лукашина. – *Соседка зашла за луковицей!* – отозвалась мать (Эльдар Рязанов).

Выше названные различия базируются на особенностях каждой из культур. Так, Р. Ратмайр полагает, что русская культура в большей мере ориентирована на солидарность, в то время как немецкая культура – на дистанцирование [18 : 178–185]. Поэтому в русской культуре благодаря меньшей дистанции между собеседниками акт просьбы не воспринимается как существенная угроза и является, как следствие, обычным и частым действием, которое воспринимается Адресатом в большинстве случаев с пониманием и готовностью выполнить просьбу (ср. также [3 : 131]). Е. А. Земская, однако, справедливо замечает, что каждый народ стратифицирован в социальном и психологическом отношении, то есть в каждой культуре есть личности, которым более близка стратегия сближения, и такие, которые предпочитают дистанцирование [ср. 19 : 577]. По этой причине выше названные характеристики русской и немецкой культуры должны рассматриваться как статистически ожидаемые. Кроме того, общие изменения стиля жизни оказывают влияние на психологические установки и коммуникативное поведение русских. Прежние обычаи и нормы этикета вытесняются новыми, вследствие глобализации постепенно стираются культурные различия: *Вокруг повзростали высотные дома, поменялись соседи – уже по-простецки «соли попросить» не зайдешь...* (Сергей Трофимов).

Более тесная дистанция между коммуникантами в русской культуре влияет также и на восприятие степени значимости просьбы. То, что русским представляется незначительной просьбой, воспринимается немцами нередко как значительная просьба, что влечёт за собой употребление иных языковых средств для её выражения:

(33) *Нина, ты не могла бы поменяться со мной дежурством в субботу?* – незначительная просьба.

(33a) *Nora, ich möchte dich um einen Gefallen bitten: Könntest du vielleicht am Sonabend mit mir den Dienst tauschen?* – значительная просьба.

В остальных отношениях различия в выражении значительной и незначительной

просьбы в русском и немецком языках сопоставимы (см. пункт 4 данной статьи).

Прагматические факторы социальной дистанции и возраста лежат в основе противопоставления симметричной и асимметричной просьбы. Как в русском, так и в немецком языках в случае асимметричных отношений «снизу вверх» широко употребляются средства для ослабления угрозы лицу, ср.:

(34) Яша (Любови Андреевне): *Любовь Андреевна! Позвольте обратиться к вам с просьбой, будьте так добры! Если опять поедете в Париж, то возьмите меня с собой, сделайте милость* (Антон Чехов). – асимметричная ПРОСЬБА «снизу вверх»

(35) Любовь Андреевна (Трофимову): *Я могу сейчас крикнуть... могу глупость сделать. Спасите меня, Петя. Говорите же что-нибудь, говорите...* (Антон Чехов) – асимметричная ПРОСЬБА «сверху вниз»

В случае симметричной просьбы выбор средств выражения зависит от весомости желаемого действия и степени близости коммуникантов:

(36) Сусанна Николаевна, усевшись, вдруг поспешно опустила стекло в дверце кареты и крикнула Аграфене Васильевне: — *Вы будьте так добры, как-нибудь посетите нас; мы будем вам очень рады* (А. Писемский). – симметричная ПРОСЬБА при дистанцированных отношениях

(37) *Kannst du mal die Musik anmachen?* – симметричная ПРОСЬБА при близких, доверительных отношениях

К прагматическим особенностям ситуативно-коммуникативного поведения относятся также различия в выборе дискурсивных стратегий [о дискурсивных стратегиях см. 20 : 347 ; 21 : 71]. В отношении МРП просьбы при сопоставлении немецкого и русского языков следует обратить внимание на различия в применении следующих двух стратегий:

1) Ориентация на Говорящего vs. Ориентация на Адресата

В русском языке обе стратегии употребляются параллельно при реализации просьбы, при этом Говорящий не видит никакого прагматического различия между ними (ср. [3 : 182]):

(38) *Ты не мог бы дать мне на время свой велосипед? = Я могу взять на время твой велосипед?*

В немецком же преимущественно употребляется стратегии Ориентации на Адресата:

(39) *Könntest du mir bitte dein Fahrrad leihen?* и значительно реже *Könnte ich bitte dein Fahrrad leihen?*

2) Прямая аргументация vs. Косвенная аргументация.

Сопоставительные исследования русского и немецкого языков показывают, что в России и в настоящее время речевой акт просьбы употребляется чаще и без особого опасения причинить ущерб общественному лицу собеседника. Необходимость минимизировать угрозу лицу выражена в значительно меньшей степени, чем в немецком языке. Поэтому формулировка просьбы в русском языке, чаще всего, более прямая, чем в немецком. Например, если пассажир в переполненном вагоне хочет пройти к выходу, то в русском языке он формулирует свою просьбу чаще всего прямо: *Разрешите/позвольте пройти* или *Пропустите, пожалуйста, я выхожу*, реже с помощью вопроса: *Вы выходите на следующей?* В немецком языке в большинстве случаев употребляется нейтральный косвенный вопрос: *Darf ich bitte durch?* Говорящий избегает прямой просьбы, даже эквивалент русского вопроса *Вы выходите на следующей остановке?* – *Steigen Sie an der nächsten Haltestelle aus?* представляется немцам слишком личным.

Эти особенности дискурсивного поведения влияют также на распределение центральных и периферийных средств выражения иллокуции ПРОСЬБЫ (см. пункт 4 данной статьи).

4. Формы выражения коммуникативно-прагматического поля

4.1. Сопоставление центральных форм реализации

Наиболее распространённым среди лингвистов является утверждение, что в русской коммуникации для выражения ПРОСЬБЫ чаще всего используется императив [ср. 3 : 222 ; 22 : 74 ; 15 : 70 ; 23 : 274 ; 24 : 30–31]. Однако, согласно последним данным, приведённым в работах Е. Огерманн [25 : 209], при формулировании просьбы в русском языке всё чаще используются косвенные речевые акты. Следует, однако, учитывать, что информантами автора были исключительно студенты московских университетов. Для этой социальной группы характерны высокий уровень образованности и тесные международные контакты, что могло оказывать влияние на их ответы. Опрос, проведённый Огерманн, показывает, на наш взгляд, что формулирование просьбы в русской культуре меняется в связи с процессами глобализации. Однако результаты этого опроса так-

же демонстрируют, что число императивных конструкций в ответах русских респондентов намного выше, чем в ответах немецких респондентов: 5% в немецком языке и 35% в русском [ibid.]. Поэтому в нашем исследовании мы исходим из того, что императив является прототипическим средством выражения ПРОСЬБЫ в русском языке:

(40) *Ребёнок, принеси мне верхний ящик моего комода, – попросила она.*

В немецком же предпочтительным средством реализации МРП ПРОСЬБЫ являются вопросительные предложения [ср. 15 : 71 ; 25 : 209]. Следовательно, они образуют центр коммуникативно-прагматического поля ПРОСЬБЫ в немецком языке:

(41) *«Könnten Sie bitte noch etwas warten, meine Oma kann nicht so schnell laufen»*, bat er.

Эти коммуникативные предпочтения должны быть учтены при переводе - русско-му высказыванию в императиве, выражающему просьбу, соответствует, как правило, немецкое вопросительное предложение:

(42) *Помогите мне, пожалуйста, положить чемодан на полку.*

(42a) *Könnten sie mir bitte helfen, den Koffer auf das Regal zu legen?*

Это, однако, не означает, что императив в немецком языке не относится к средствам реализации МРП ПРОСЬБЫ. Он используется для выражения незначительной просьбы, преимущественно в приватной коммуникации. В этом случае использование императива часто сопровождается частицами *mal* и *doch*, которые указывают на то, что речь идёт о небольшой услуге:

(43) *«Bring mir doch noch einen Gin Tonic», ruft Meta Huber ihrem Sohn Markus zu.*

В русском языке незначительность просьбы, а также неформальность отношений партнёров по коммуникации маркируются с помощью частицы *-ка*, которая присоединяется к глаголу. Такая форма реализации возможна при симметричной просьбе, либо же в том случае, если статус Говорящего выше статуса Адресата: (ср. [23 : 257]):

(44) *«Лёля, выйди-ка на минутку», — сказала она.*

Смысловый глагол может сопровождаться частицей *давай-ка*:

(45) *Давай-ка быстренько напиши мне официальную бумагу, что вот он окончил школу, что он тут делал первые шаги в цирке и т. д.*

Значительная просьба как в русском, так и в немецком языках реализуется прототипически в форме модализированного вопро-

са, часто в сочетании с введением, обоснованием или пояснением [26 : 257–258]:

(46) *У меня к вам не совсем обычная просьба. Вы не могли бы организовать мне встречу с Натальей Ольховцевой?*

(47) *Ich hätte eine Bitte an Sie, Herr Pfarrer: Könnten Sie vielleicht in Ihren Archiven nachschauen, ob eventuell Kinder von August Högn in Wallersdorf getauft wurden? Mir geht es vor allem um Geburtsdaten.*

В русском языке вопрос с глаголом *мочь* в функции просьбы, как правило, стоит в сослагательном наклонении и в отрицательной форме. Вопросы в утвердительной форме воспринимаются скорее не как просьба, а как непосредственный вопрос о возможности реализации действия [ср. 23 : 268]:

(46а) *Вы могли бы организовать мне встречу с Натальей Ольховцевой?*

На вопрос в (46а) Адресат, скорее всего, сообщит Говорящему, знаком ли он с упомянутой персоной и в состоянии ли он организовать такую встречу. Отрицательный вопрос в (46) оба эти условия предполагает как само собой разумеющееся.

Эксплицитно перформативные высказывания также относятся к центральным средствам выражения ПРОСЬБЫ, однако, ни в русском, ни в немецком языках они не находятся непосредственно в ядре поля. Наиболее частотным перформативным средством является глагол *просить* – *bitten*:

(48) *Я прошу тебя, говори потише. Разбудишь кого-нибудь.*

(49) *Ich bitte dich, mir meinen Wunsch zu erfüllen.*

Так же, как и другие перформативные глаголы, *просить* и *bitten* могут сочетаться с модальными модификаторами, в данном случае почти исключительно с глаголом *хотеть* – *mögen* в индикативе или конъюнктиве:

(50) *Хочу тебя попросить позвонить Асе и помочь ей разобраться с поступлением на работу.*

(51) *Ich möchte Sie bitten, die Situation noch einmal zu überdenken.*

В немецком языке употребление *wollen* глагола в названном выше контексте придаёт ПРОСЬБЕ категоричность и вследствие этого сближает её с ТРЕБОВАНИЕМ:

(52) *Ich will Sie bitten, an dieser Stelle keine falschen Debatten zu führen.*

В русском языке эта семантика выражается с помощью не модализированных перфективных либо же конъюнктивных форм глагола *просить*:

(53) *Только вот что, Феликс, я Вас прошу никогда больше не называть меня этим именем.*

(54) *Я попросил бы прекратить эти намеки, – решительно сказал он.*

Как в русском, так и в немецком языке, высказывания, содержащие императив, звучат более доверительно, чем высказывания с перформативными глаголами (ср. [23 : 264]). Вследствие этого перформативные высказывания чаще употребляются в официальной коммуникации (ср. [27 : 36]), напр.:

(55) *Принеси мне в субботу книги, которые ты брал.*

(55а) *Я прошу тебя принести мне в субботу книги, которые ты брал.*

Пример (55а) маркирует отношения между коммуникантами как менее личные и доверительные, чем в примере (55).

Именная перформативная формула образуется исключительно с существительным *просьба* – *Bitte*:

(56) *Есть у меня к тебе просьба, если получишь мою посылку, то сохрани все, что там будет.*

(57) *Ich wende mich an Sie mit der Bitte, mich auf dem Laufenden zu halten, was mit meinem Vater passiert!*

Сочетание существительного *просьба* с инфинитивом, обозначающим желаемое действие, характерно в русской культуре для официальной коммуникации и может рассматриваться как вежливое категоричное требование:

(58) *Убедительная просьба к туристам не мусорить на маршруте и на местах своих стоянок.*

4.1.1. Смягчающие модификаторы

Поскольку просьба относится к актам, угрожающим общественному лицу собеседника, в обоих языках применяются определённые речевые стратегии для смягчения давления на Адресата. При этом, как уже упоминалось, в немецкой культуре это давление воспринимается более ясно, остро и болезненно, что оказывает влияние на выбор языковых средств.

В немецком языке для цели смягчения угрозы применяются, прежде всего, индикаторы, сигнализирующие о сомнениях Говорящего в том, что он вправе обращаться с подобной просьбой, такие как *eventuell*, *vielleicht*, *ausnahmsweise* и пр.:

(59) *Könntest Du vielleicht auch Tina und Mario heimfahren?*

Для русского языка употребление аналогичных индикаторов в вопросах с иллюзией просьбы не характерно:

(59a) *Ты мог бы пожалуй отвезти домой также Тину и Марио?

Вместо этого вопрос ставится в отрицательной форме, ср. адекватный перевод примера (59) на русский язык:

(59b) Ты не мог бы отвезти домой также Тину и Марио?

Ослабление угрозы нередко реализуется в немецком языке также с помощью разговорной частицы *bitte*. Русское *пожалуйста*, однако, не может употребляться в вопросах о возможности реализации желаемого действия, ср. пример (60) и его русский перевод:

(60) *Wenn du zur Bibliothek gehst, kannst du bitte dieses Buch für mich abgeben?*

(60a) Если ты пойдёшь в библиотеку, не мог бы ты сдать за меня книгу?

Употребление русского эквивалента немецкой разговорной частицы в данном контексте не конвенционально:

(60b) *Если ты пойдёшь в библиотеку, мог бы ты, пожалуйста, сдать за меня книгу?

Для цели уменьшения давления на Адресата в русском языке применяются уменьшительные формы. Они употребляются при этом не только в личной доверительной, но и в других формах коммуникации:

(61) *Подай, деточка, старенькой маменьке ложку сахара на пропитание.*

(62) Мастер звал его помочь: «Поддержка, сынок, нашу лодочку, а я молоточком пройду».

В русском языке часто употребляются также различные ситуативные модификаторы, направленные на снижение значимости желаемого действия [ср. 3 : 223 ; 25 : 204], такие как *чуть-чуть*, *капельку*, *на пару дней*, *до завтра* и пр.:

(63) *Удели мне, пожалуйста, несколько минут.*

(64) *Дайте мне хоть немного выпить, Марлен Михайлович, налейте хоть капельку.*

(65) *Я буду в апреле в Москве, не мог бы я остановиться у вас на пару дней?*

В немецком языке применение аналогичных модификаторов также возможно, но менее частотно.

Значительной просьбе нередко предшествует превентивное введение, которое имеет более или менее конвенционализированные формы. Определённое «оправдание» просьбы может также быть внедрено в высказывание:

(66) *Владимир Юрьевич, сделайте одолжение, не оставьте в беде, посмотрите больную своим алмазным оком!*

(67) *Vielleicht könnten wir ja mal – wenn es Ihnen nichts ausmacht – irgendwie so über mein Gehalt sprechen?*

Незначительные просьбы также могут комментироваться и «оправдываться»:

(68) *Как говорится, не в службу, а в дружбу, откройте-ка на минуточку входную дверь.*

(69) *Würden Sie bitte so liebenswürdig sein und einen Schritt zur Seite treten.*

4.1.2. Усиляющие модификаторы

Средствами усиления просьбы являются, прежде всего, градационные наречия *очень* – *sehr* при перформативном глаголе и прилагательные *большая* / *огромная* – *große* при перформативном существительном:

(70) *Wir bitten sehr, den Fehler zu entschuldigen.*

(71) *Огромная просьба, товарищи, ведите себя сдержанно и корректно!*

Используются и другие лексические интенсификаторы, такие как наречия *убедительно*, *настоятельно*, *dringend*, *ausdrücklich* и др., маркирующие тот факт, что желание Говорящего о совершении определённого действия является очень сильным. Названные интенсификаторы применяются как при симметричной, так и при асимметричной просьбе:

(72) *Я настоятельно прошу передать, чтобы эта женщина не смела показываться на похоронах.*

(73) *Ich bitte ausdrücklich um Entschuldigung, wenn wir Sie nicht mit auf die Anmeldeleiste gesetzt haben.*

(74) *Убедительно прошу Верховный Совет освободить меня для того, чтобы я мог плодотворно и честно работать на благо Родины.*

(75) *Ich bitte dich dringend, keine weiteren Provokationen dieser Art vorzunehmen.*

Нередко Говорящий апеллирует к чувствам собеседника, что находит отражение в таких выражениях как *окажите любезность*, *сделай милость*, *войди в моё положение*, *будь моим спасителем*, *Христом-богом молю*, *seien Sie so lieb*, *seien Sie so freundlich*, *lass mich nicht im Stich*, *um Gottes Willen* и других.

Это приводит во многих случаях к употреблению двойного императива. Степень вежливости таких выражений выше, чем выражений с одинарными императивами [3 : 233]:

(76) *Христом Богом молю – не выдавай-те, а я все, все по совести расскажу*

(77) *Seien Sie bitte so freundlich und neh-*

men Sie sich einen Augenblick Zeit, um noch einmal in die Begründung zu schauen.

Следует обратить внимание на то, что в русском языке выражение *будьте любезны*, произнесённое в определённых ситуациях и с определённой интонацией, может использоваться для выражения категоричного требования и воспринимается в этом случае как «сверхвежливое» [ср. 3 : 231]:

(78) *Никакие объяснения в расчет не принимаются. Заключен контракт – будьте любезны его выполнять.*

4.2. Сопоставление периферийных форм реализации

К периферийным формам выражения МРП просьбы могут быть отнесены некоторые виды вопросов, утвердительные и желательные высказывания, а также эллиптические именные конструкции [ср. 23 : 269–272 ; 7 : 31–34 ; 22 : 90–91 ; 15 : 91].

4.2.1. Вопросы о возможности совершения действия в будущем

В обоих языках МРП просьбы может реализоваться с помощью вопросительного предложения, выясняющего, намерен ли Адресат совершить желаемое действие. Эта модель характерна, прежде всего, для незначительной просьбы:

(79) *Hilfst du mir bei der Renovierung?*

(80) *Ты мне принесёшь завтра лекарство?*

В немецком языке такое вопросительное предложение может быть введено союзом *ob*:

(81) *Ob du mit mir nach Leipzig fahren wirst?*

В русском языке эти вопросительные предложения могут стоять в отрицательной форме. Факультативно может также употребляться частица *ли*, которая в сочетании в отрицании придаёт высказыванию высокую степень вежливости:

(82) *Ты не поддержишь минуточку моё пальто?*

(89) *Не одолжите ли Вы мне эти записки на некоторое время?*

Р. Ратмайр указывает на тот факт, что дословное соответствие русскому отрицательному вопросу в немецком языке выражает повторное требование, сопряжённое с раздражением Говорящего [23 : 269], ср.:

(90) *Ты не сходишь за молоком?* – ПРОСЬБА или же ВЕЖЛИВОЕ ПОБУЖДЕНИЕ

(90а) *Wirst du nicht Milch holen gehen?* – ВОЗМУЩЕНИЕ или же ПОВТОРНОЕ ТРЕБОВАНИЕ.

4.2.2. Вопросы о пожеланиях и планах Адресата

Эта модель чаще употребляется в немецком языке и является общепринятой разновидностью косвенной просьбы:

(91) *Möchten Sie mir bitte etwas Aufmerksamkeit widmen?*

В русском языке такая реализация просьбы возможна, однако часто воспринимается как ироническое высказывание, выражающее огорчение или раздражение Говорящего в связи с невыполнением желаемого действия:

(92) *Ты не хочешь (вообще-то) за хлебом сходить?*

4.2.3. Вопросы о наличии предмета

В определённых ситуациях вопрос о наличии какого-либо предмета у Адресата однозначно воспринимается как просьба одолжить этот предмет, либо же сообщить некую информацию об этом предмете:

(93) *Hast du ein Feuerzeug?* = ‚Kannst du mir dein Feuerzeug geben?‘

(94) *Извините, у Вас есть часы?* = ‚Не скажете, который час?‘

4.2.4. Желательные высказывания

Просьба может быть выражена также с помощью высказывания, в котором выполнение желаемого действия характеризуется как полезное, выгодное или приятное для Говорящего. Такие желательные предложения стоят, как правило, в сослагательном наклонении, они могут быть как утвердительными, так и отрицательными, употребляются также безличные предложения:

(95) *Ich würde jetzt sehr gern die Meinung der Herren Kollegen hören* = ‚Bitte sagen Sie mir Ihre Meinung‘

(96) *Я был бы рад пойти с тобой в театр* = ‚Пригласи меня тоже в театр‘

(97) *Не мешало бы молока купить* = ‚Сходи за молоком‘

4.2.5. Ассертивные высказывания

Следующей возможностью выразить просьбу является такое описание некоего положения дел, из которого Адресат должен заключить, что он должен совершить определённое действие для изменения данной ситуации:

(98) *Du hast doch noch Bier im Kühlschranks!* = ‚Gib mir ein Bier‘

(99) *Ой, я совсем у вас замёрзла* = ‚Включите отопление‘

4.2.6. Эллиптические именные конструкции

В непринуждённой беседе иллокуцию просьбы могут выражать предложные конструкции или же отдельные изолированные существительные (реже прилагательные или наречия). В русском языке такие существительные стоят в винительном или же родительном падеже.

(100) *Ohne Zucker bitte!* = ‚Bringen Sie mir bitte Kaffee / Tee ohne Zucker‘

(101) *Воды!* = ‚Принесите воды‘

(102) *Карету мне! Карету!* = ‚Подайте мне карету!‘ (Александр Грибоедов)

5. Выводы

Анализ модели речевого поведения ПРОСЬБА выявил следующие особенности её реализации в русском и немецком языках:

1) Русские часто обращаются к собеседнику с просьбой в таких коммуникативных ситуациях, в которых носитель немецкого языка скорее воздержится от просьбы. Этот связан с тем, что дистанция между интерактантами в русской культуре более близкая, чем в немецкой.

2) В русском языке ядро коммуникативно-прагматического поля составляют императивные высказывания либо в полной, либо в усечённой форме. В немецком языке ядро поля содержит преимущественно вопросительные высказывания, как правило, в форме модализированного вопроса.

3) Эксплицитные перформативы могут быть охарактеризованы как центральные средства реализации просьбы как в русском, так и в немецком языках. Однако в обоих языках они не относятся непосредственно к ядру поля.

4) В обоих языках периферийные формы реализации ПРОСЬБЫ охватывают определённые типы вопросов, утвердительные и побудительно-желательные высказывания, а также эллиптические номинальные конструкции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Kotorova E. G.* Describing cross-cultural speech behavior: a communicative-pragmatic field approach // *Procedia. Social and Behavioural Sciences*. Vol. 154, 2014. P. 184–192. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/journal/18770428/154> (дата обращения 30.06.2015).

2. *Гладров В., Которова Е. Г.* Контрастивное изучение моделей речевого поведения // *Жанры речи*. Саратов, 2015. № 2(12). С. 15–19.

3. *Ларина Т. В.* Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянской культуры, 2009. 512 с.

4. *Blankenhorn R.* Pragmatische Aspekte des Bittens im Russischen // *Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV)*. Bd. 1. München: Verlag Otto Sagner, 1998. S. 45–53 (=Die Welt der Slaven: Sammelbände. Bd. 2).

5. *Петрова Е. Б.* Каталогизация побудительных речевых актов в лингвистической прагматике //

Вестник Воронежского Государственного Университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация», 2008, № 3. С. 124–133.

6. *Гловинская М. Я.* Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект*: сб. науч. тр. / под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелёва. М.: Наука, 1993. С. 158–218.

7. *Ermakova O.P.* Bitten als Sprechakt im Russischen // *Potsdamer Forschungen*, 1990, Reihe A, Heft 106. S. 21–42.

8. *Wierzbicka A.* Act of Speech // *Wierzbicka A. Semantic Primitives*. Frankfurt am Main: Athenäum Verlag, 1972. P. 122–149.

9. *Wierzbicka A.* Genry mowy // *Tekst i zdanie. Zbiór studiów* / Red. T. Dobrzyńska, E. Janus. Wrocław: Ossolineum, 1983. S. 125–137.

10. *Searle J. R.* Speech acts. An essay in the philosophy of language. Cambridge: Cambridge university press, 1970. 203 p.

11. *Wierzbicka A.* English Speech Act Verbs: A semantic dictionary. Sydney: Academic Press, 1987. 397 p.

12. *Önnerfors O.* «Kleine Bitte» und Deklarativsatz – ein Vergleich Schwedisch-Deutsch // *Satz und Illokution* / ed. I. Rosengren. Bd. 2. Tübingen: Niemeyer, 1993. S. 79–108.

13. *Hindelang G.* Auffordern. Die Untertypen des Aufforderns und ihre sprachlichen Realisierungsformen. Göttingen: Kümmerle, 1978. 572 S.

14. *Hindelang G.* Einführung in die Sprechakttheorie. Tübingen: Niemeyer, 2004. 119 S.

15. *Kantorczyk U.* Pragmatik von Aufforderungs-handlungen im Deutschen. Szczecin / Rostock: PRINT GROUP, 2008. 228 S.

16. *Pisarek L.* Речевые действия и их реализация в русском языке в сопоставлении с польским (экспрессивы). Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1995 (=Acta Universitatis Wratislaviensis. Slavica Wratislaviensis; 89). 173 с.

17. *Brown P., Levinson S.* Gesichtsbedrohende Akte // *Verletzende Worte. Die Grammatik sprachlicher Missachtung* / Hrsg. von S. K. Herrmann, S. Krämer H.Kuch. Bielefeld: transcript Verlag, 2007. S. 59–88.

18. *Rathmayr R.* Höflichkeit als kulturspezifisches Konzept: Russisch im Vergleich // *Wechselbeziehungen zwischen slawischen Sprachen, Literaturen und Kulturen in Vergangenheit und Gegenwart* / Hrsg. von I. Ohnheiser. Innsbruck: Verlag des Instituts für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1996. S. 174–185.

19. *Земская Е. А.* Категория вежливости: общие вопросы и национально-культурная специфика русского языка // *Земская Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь*. М.: 2004. С. 579–601.

20. *House J.* Contrastive Discourse Analysis and Misunderstanding: the Case of German and English // *Contrastive sociolinguistics* / eds. M. Hellinger,

U. Ammon. Berlin: Mouton de Gruyter, 1996. S. 345–361.

21. House J. Kontrastive Pragmatik und interkulturelle Kompetenz im Fremdsprachenunterricht // Kontrast und Äquivalenz: Beiträge zur Sprachvergleich und Übersetzung. Hrsg. von W. Börner, K. Vogel. Tübingen: Narr, 1998. S. 62–88.

22. Лысакова И. П., Веселовская Т. М. Прагматика побудительных речевых актов в русском языке. Щецин / Росток : PRINT GROUP, 2008. 239 с.

23. Rathmayr R. Pragmatische und sprachlich konzeptualisierte Charakteristika russischer direkter Sprechakte // Slavistische Beiträge / Hrsg. von H. R. Mehlig. Bd. 319. München : Verlag Otto Sagner, 1994. S. 251–278.

24. Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction. Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyter, 1991. 502 p.

25. Ogiermann E. Politeness and indirectness across cultures : A comparison of English, German, Polish and Russian requests // Journal of Politeness Research 5. 2009. P. 189–216.

26. Buscha J., Freudenberg-Findeisen R., Forstreuter E. et al. Grammatik in Feldern. Hueber : Ismaning, 1998. 336 s.

27. Формановская Н. И. Прагматика побуждения и логика языка // Русский язык за рубежом. 1994, № 5–6. С. 34–40.

ИСТОЧНИКИ

Национальный корпус русского языка – <http://www.ruscorpora.ru>

IDS-Korpora – <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/>

LIMAS-Korpus – <http://www.korpora.org/Limas/>

REFERENCES

1. Kotorova E. G. Describing cross-cultural speech behavior: a communicative-pragmatic field approach. *Procedia. Social and Behavioural Sciences*. Vol. 154, 2014, pp. 184–192. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/journal/18770428/154> (accessed 30 June 2015).

2. Gladrow W., Kotorova E. G. Kontrastivnoe izuchenie modelej rechevogo povedeniya [Contrastive study of speech behavior patterns]. *Zhanry rechi* [Speech genres]. 2015, no. 2(12), pp. 15–19.

3. Larina T. V. *Kategorija veshlivosti i stil' kommunikacii. Sopostavlenie anglijskih i russkih lingvokul'turnyh tradicij* [Category of politeness and style of communication. Comparison of the English and Russian linguo-cultural traditions]. Moscow, 2009. 512 p.

4. Blankenhorn R. Pragmatische Aspekte des Bittens im Russischen. *Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV)*. Bd. 1. München, 1998, pp. 45–53 (=Die Welt der Slaven: Sammelbände. Bd. 2).

5. Petrova E. B. Katologizatsiya pobuditel'nykh rechevykh aktov v lingvisticheskoj pragmatike [Classification of directive speech acts in linguistic pragmatics]. *Vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya «Lingvistika i mezhkul'turnaya komunikatsiya»* [Voronezh State University Reporter. Linguistics and Intercultural Communication Series]. 2008, no. 3, pp. 124–133.

6. Glovinskaja M. Ja. Semantika glagolov rechi s točki zrenija teorii rechevykh aktov [Semantics of speech verbs with regard to speech acts theory]. *Russkij jazyk v ego funkcionirovanii. Kommunikativno-pragmatischekij aspekt* [Russian language in its functioning. Communicative-pragmatic aspect. Ed. by E. A. Zemskaya, D. N. Shmelev]. Moscow, 1993, pp. 158–218.

7. Ermakova O. P. Bitten als Sprechakt im Russischen. *Potsdamer Forschungen*, 1990, Reihe A, Heft 106, ss. 21–42.

8. Wierzbicka A. Act of Speech. *Wierzbicka A. Semantic Primitives*. Frankfurt am Main, 1972, pp. 122–149.

9. Wierzbicka A. Genry mowy. *Tekst i zdanie. Zbiór studiów*. Ed. T. Dobrzyńska, E. Janus. Wrocław, 1983, ss. 125–137.

10. Searle J. R. *Speech acts. An essay in the philosophy of language*. Cambridge, 1970. 203 p.

11. Wierzbicka A. *English Speech Act Verbs: A semantic dictionary*. Sydney, 1987. 397 p.

12. Önerfors O. «Kleine Bitte» und Deklarativsatz – ein Vergleich Schwedisch-Deutsch. *Satz und Illokution*. Ed. I. Rosengren. Bd. 2. Tübingen, 1993, ss. 79–108.

13. Hindelang G. *Auffordern. Die Untertypen des Aufforderns und ihre sprachlichen Realisierungsformen*. Göppingen, 1978. 572 s.

14. Hindelang G. *Einführung in die Sprechakttheorie*. Tübingen, 2004. 119 s.

15. Kantorczyk U. *Pragmatik von Aufforderungs-handlungen im Deutschen*. Szczecin / Rostock, 2008. 228 s.

16. Pisarek L. *Rechevye dejstviya i ih realizacija v russkom jazyke v sopostavlenii s pol'skim (jekspressivny)* [Speech actions and its realization in the Russian language in comparison to Polish (expressives)]. Wrocław, 1995 (= Acta Universitatis Wratislaviensis. Slavica Wratislaviensis; 89). 173 s.

17. Brown P., Levinson S. Gesichtsbedrohende Akte. *Verletzende Worte. Die Grammatik sprachlicher Missachtung*. Hrsg. von S. K. Herrmann, S. Krämer, H. Kuch. Bielefeld, 2007, ss. 59–88.

18. Rathmayr R. Höflichkeit als kulturspezifisches Konzept: Russisch im Vergleich. *Wechselbeziehungen zwischen slawischen Sprachen, Literaturen und Kulturen in Vergangenheit und Gegenwart*. Hrsg. von I. Ohnheiser. Innsbruck, 1996, ss. 174–185.

19. Zemskaya E. A. Kategorija veshlivosti: obshhie voprosy i natsional'no-kul'turnaya spetsifika russkogo yazyka [The category of politeness: general questions and national-cultural specifics of the Russian language]. *Zemskaya E. A. Yazyk kak deyatel'nost'*:

Morfema. Slovo. Rech' [Language as activity: Morpheme. Word. Speech]. Moscow, 2004, pp. 579–601.

20. House J. Contrastive Discourse Analysis and Misunderstanding: the Case of German and English. *Contrastive sociolinguistics*. Eds. M. Hellinger, U. Ammon. Berlin, 1996, ss. 345–361.

21. House J. Kontrastive Pragmatik und interkulturelle Kompetenz im Fremdsprachenunterricht. *Kontrast und Äquivalenz: Beiträge zur Sprachvergleich und Übersetzung*. Hrsg. von W. Börner, K. Vogel. Tübingen, 1998, ss. 62–88.

22. Lysakova I. P., Veselovskaya T. M. *Pragmatika pobuditel'nykh rechevykh aktov v russkom yazyke* [Pragmatics of directive speech acts in Russian]. Szczecin / Rostock, 2008. 239 p.

23. Rathmayr R. Pragmatische und sprachlich konzeptualisierte Charakteristika russischer direkter Sprechakte. *Slavistische Beiträge*. Hrsg. von H. R. Mehlig. Bd. 319. München, 1994, ss. 251–278.

24. Wierzbicka. A. *Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction*. Berlin; New York, 1991. 502 p.

25. Ogiermann E. Politeness and indirectness across cultures: A comparison of English, German, Polish and Russian requests. *Journal of Politeness Research* 5. 2009, pp. 189–216.

26. Buscha J., Freudenberg-Findeisen R., Forstreuter E. et al. *Grammatik in Feldern*. Hueber, 1998. 336 s.

27. Formanovskaya N. I. *Pragmatika pobuzhdeniya i logika yazyka* [Command pragmatics and the logic of language]. *Russkij yazyk za rubezhom* [The Russian language abroad]. 1994, no. 5–6, pp. 34–40.

SOURCES

Russian national corpora –
<http://www.ruscorpora.ru>
 IDS-Korpora – <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/>
 LIMAS-Korpus – <http://www.korpora.org/Limas/>

Статья поступила в редакцию 1.07.2015.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Которова Е. Г. Модель речевого поведения «просьба» в русском и немецком языках : сопоставительное исследование // *Жанры речи*. 2016. №1. С. 65–77. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-65-77.

FOR CITING

Kotorova E. G. The speech behavior pattern of «request» in russian and german: a contrastive study. *Speech genres*, 2016, no. 1, pp. 65–77. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-65-77. (in Russian).